

НОВАЯ ГАЗЕТА

КОММЕНТАРИЙ • КУЛЬТУРА

Оглашению подлежит

Может ли властное устранение «Музея истории ГУЛАГа» скрыть правду о репрессированных? История необычной публикации

Обложка книги «Метео-Чертик. Труды и дни. 1941»

11:24, 2 декабря 2024,

Ольга Тимофеева

редактор отдела культуры

Полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Пишу 1 декабря, в день рождения Зои Ерошок, лишний раз поражаясь ее умению очеловечить любой журналистский материал, упорству в борьбе за судьбы своих героев и умению добиться результата в самой безнадежной ситуации. «Тексты слов», как она называла свои статьи, одних читателей утешали, других спасали, третьих вылечивали от уныния и всех до единого втягивали в воронку любви к таланту, уважению к «нормальным людям».

Здесь не хватит места просто перечислить все имена ее героев, среди которых Михаил Горбачев, Фаина Раневская, Олег Даль, Александр Сокуров, Юлий Ким, Адам Михник, Людмила Алексеева, доктор Лиза, сосед по любимому Темрюку, а ведь есть еще и три документальные повести — «Тоннель», «Бродяги», «Метео-чертик».

Зоя Ерошок. Фото: Анна Артемьева / «Новая газета»

За «Метео-Чертик. Труды и дни. 1941» Зоя Ерошок получила престижнейшую премию Александра Пятигорского в номинации «Мастер книжного проекта». Как этот проект случился, сама Зоя рассказала в предисловии к «Чертику», рукописному дневнику заключенной Карлага.

Маленькая книжечка с веселыми картинками и двустишиями о лагерной жизни Карлага — страшнейшего из мест на карте России. Найди начальство этот знак бунта против уничтожения всего человеческого в человеке, то автора бы стерли в лагерную пыль.

Но книжечка выжила, чтобы в зловещие времена напоминать нам: стойкость духа спасительна даже в царстве страха.

Комикс с чертиком, начинавшийся с нежного обращения к «сыну Сашке, которого со мной нет», на глазах читателя превращается в суровый антитоталитарный документ. Поэтому сегодня, когда история переписывается, а человек снова загоняется в страх, самое время напомнить о линии обороны, лично для себя выстроенной одной из жертв гулаговского беспредела.

Страницы книги «Метео-Чертик. Труды и дни. 1941»

А дело было так. В 2009 году, пишет Зоя Ерошок в предисловии к «Метео-чертаку», «в редакцию с проходной позвонил офицер МЧС и сказал, что его мама передала для меня письмо и какой-то сверток. ... В свертке оказалась книжечка из ГУЛАГа... Инна Николаевна Труфанова из города Верхняя Пышма писала мне, что ее мама, Ольга Александровна Журид, вынесла эту книжечку из Карлага в 1946 году. И всю жизнь сильно берегла ее и говорила с нежностью: Олечкина...». Кто такая Олечка, никто не знал, пока Зоя со своими добровольными помощниками — в поиски были втянуты ее друзья, знакомые, читатели — не восстановила ее фамилию, перерыв десятки архивов, подняв на ноги официальные инстанции.

Ольга Михайловна Раницкая (1905–1988). Репрессирована в 1937 году. Реабилитирована в 1955 году.

Сколько тревог, надежд, страхов и унижений за этими цифрами! В «Чертаке» восстановлена жизнь Ольги Михайловны до ареста

и после освобождения в 1946 году. Ее родственники, соседи по коммуналке, свидетели жизни на поселении прислали в газету свои воспоминания об этой необычной женщине.

Кроме лагерного дневника напечатаны ее стихи — утешение и отдушина для ее талантливой и деятельной натуры.

Страницы книги «Метео-Чертик. Труды и дни. 1941»

Истории этих настойчивых поисков запечатлены в серии статей «Книжечка», выходивших в спецвыпусках «Новой газеты» — «Правда ГУЛАГа». В 2017 году «Метео-черттик. Труды и дни» был издан усилиями Фонда памяти, «Новой газеты», Музея истории ГУЛАГа, главного соратника «Новой» в ее азартных поисках.

А 14 ноября 2024 года музей ГУЛАГа был вынужден приостановить работу из-за заключения Центра экспертиз,

исследований и испытаний в строительстве. Внезапно обнаруженная угроза пожарной безопасности из-за вентиляционной камеры метро на территории музея — предлог вызывающее нелепый, приостановка — бессрочная.

Камера существовала всегда, время ее испугаться подоспело сейчас — когда кровожадность стала демонстративной, бессмыслица постановлений — жирно подчеркнутой. Когда «Пермь-36», единственный музей в России, дававший объемное представление о том, что такое была повседневная жизнь, повседневные страдания в лагерях, переделали и прибрали к рукам ретушеры истории.

Теперь немыслимы времена, в которые взбудораженное перестройкой общество горячо обсуждало подходы Шаламова и Солженицына к лагерной теме: шаламовскую убежденность в бессмыслиности лагерного опыта, невозможности искупить переживания заключенных и солженицынскую уверенность в том, что самый подлинно человеческий опыт — это опыт лагерный. Но их миссия была общей:

свидетельствовать вместо тех, кто сам
свидетельствовать не может.

ТУЧКИ НЕБЕСНЫЕ.

2. НЕ СОЧТЕТ БЕДНЯГА ТУЧКИ
ПОДЛЫЙ ВЕТЕР СТРОИТ ШТУЧКИ.

ВОЛК.

ТЬМА И ХОЛОД... ВЕТЕР... ВЕЧЕР...
НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА.

3.

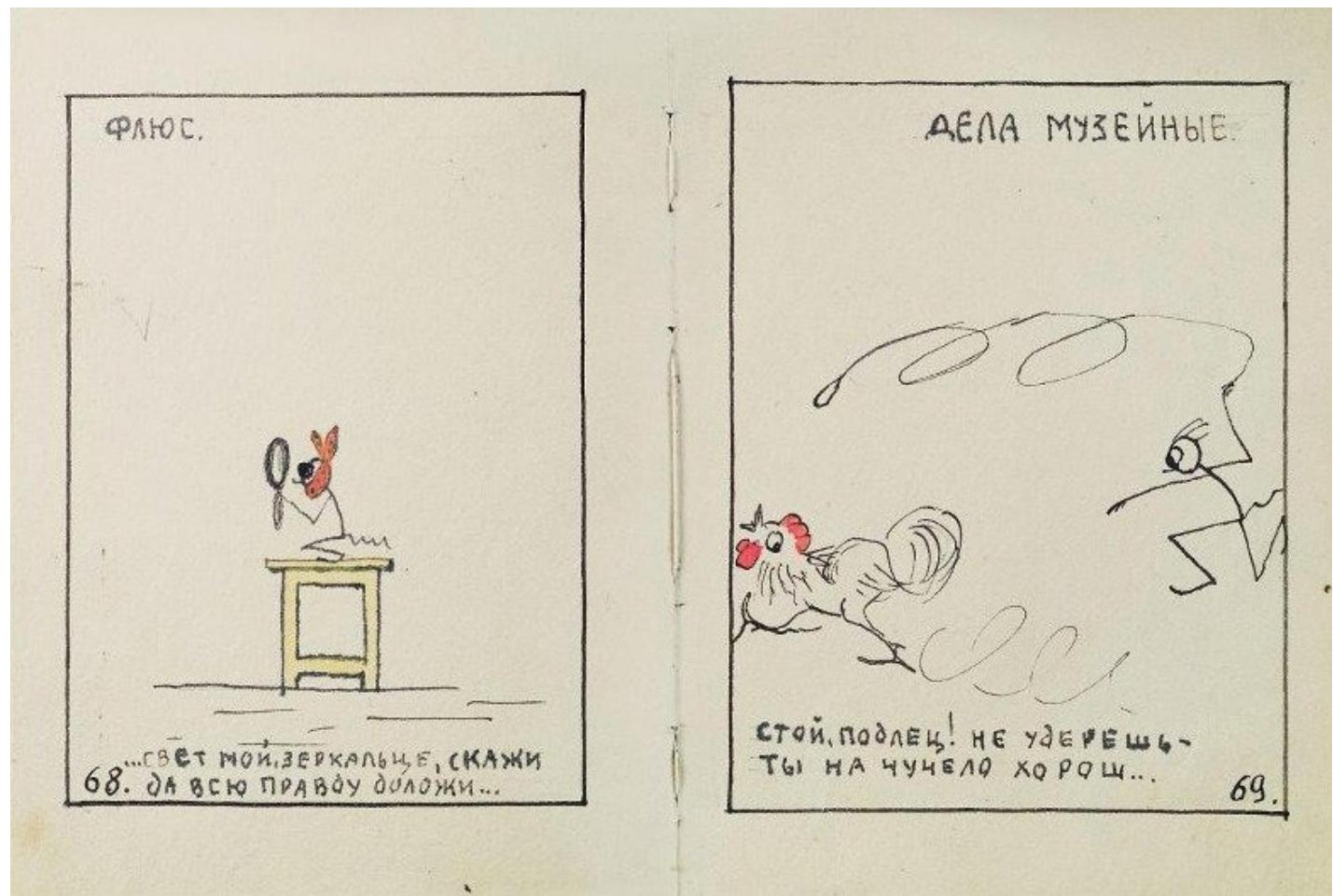
Страницы книги «Метео-Чертик. Труды и дни. 1941»

Это стало главной задачей и для Музея истории ГУЛАГа с момента его открытия в 2001 году: дать представление о том, какое множество народу не выжило на этой стройке коммунистического рая. Сохранить личный опыт заключенных и память о них стало не просто работой, а делом жизни сотрудников музея. Личные травмы, личные страдания складывались музейщиками в картину невероятных испытаний, ужас перед которыми заставлял посетителей задуматься о нашей истории, гибельной и для страны, и для человека.

Собранные в книжечке анкета арестованного, протоколы допросов, выписки из протокола Особого совещания при НКВД, письмо к Ворошилову, постановление Военного трибунала Киевского ВО о пересмотре дела — страшные знаки того времени мерцают в теперешних постановлениях о придуманных властями фейках, внесудебных расправах,

чреватых тюремными сроками, доносах из подобострастия, корысти и злобы облученных пропагандой старателей.

Отчаяние можно испытывать, и не пребывая в этом ничтожном состоянии, которое стремится передать немногочисленные произведения литературы о ГУЛАГе.

Страницы книги «Метео-Чертик. Труды и дни. 1941»

Ольга Михайловна Раницкая, обвиненная в шпионаже в пользу Польши из-за случайного знакомства с секретарем польского консульства Милашевским, выжила. Кроме стойкости духа, в Карлаге ее спасла работа на метеостанции, где и родился персонаж ее дневника — мастерски нарисованный чертик. Но освобожденные из лагерей «враги народа» не имели права

вернуться в родные места и оставались на поселении под вечной угрозой снова попасть в лагерь.

Лист № _____
К делу № _____

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО

1. Фамилия Раницкая
2. Имя и отчество Ольга Михайловна
3. Дата рождения: число 30 месяц июль год 1905
4. Место рождения г. Киев
5. Местожительство (адрес) г. Киев, ул. Ленина № 34 кв. 7
6. Профессия и специальность без профессии и специальности
7. Место службы и должность или род занятий на хим. инже. Школье
Ольга Раниковича, работала сепаратором
(указать без сокращений, название предприятия или учреждения и характер производств)
Водан № 048 937 д/р. Ржаниччу
(когда и каким органом выдан, номер и категория где прописан)

Социальное происхождение из служащих отец в наименее привилегированном положении
(род занятий и их имущественное положение)
занималась в химико-сигаретной фабрике на
г. Киеве

Социальное положение рабочий
(род занятий и имущественное положение арестованного)

а) до революции

б) после революции инженерка, служащая

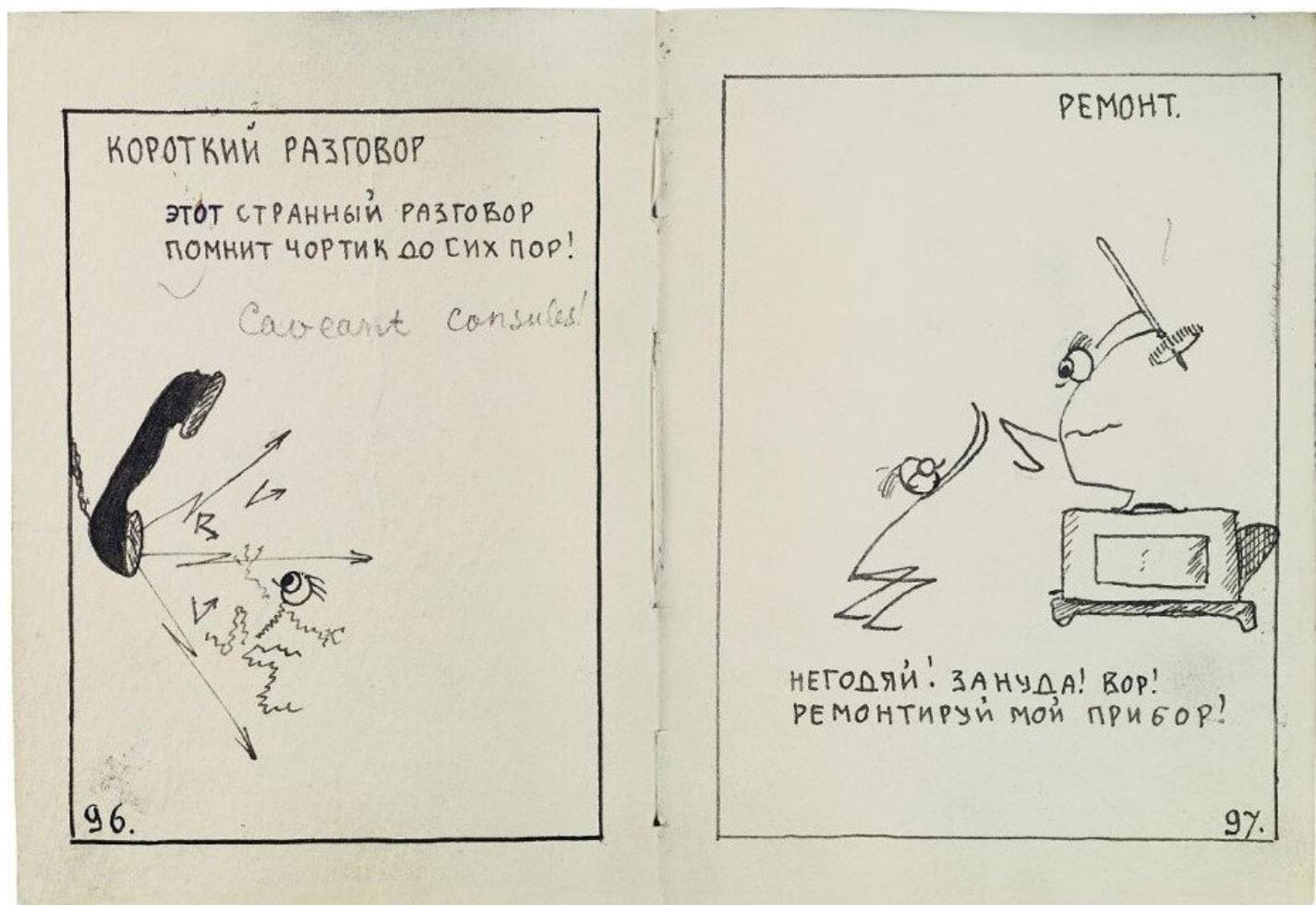
Образование (общее и специальное) закончила трудовую школу г. Киев
в 1921 году.

Анкета Ольги Раницкой из книги «Метео-Черттик. Труды и дни. 1941»

И эта «вечная угроза» сломанной жизни, опять нависшая над «нормальными» людьми, делает книжечку, в которой звучит тихий женский голос, настойчивым предупреждением об опасности сдачи. Наша необходимость — обратить на нее внимание, чтобы снова не попасть в тот капкан, из которого мы попытались вырваться тридцать лет назад. Не в последнюю очередь благодаря книгам о ГУЛАГе: «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург, «Мои воспоминания» Екатерины Олицкой, «Путь» Ольги Адамовой-Слиозберг, «Серый — цвет надежды» Ирины Ратушинской, «Сколько стоит человек» Ефросинии Керсновской.

В чудесных воспоминаниях Эдуарда Недирбаевича Айтакова,

вместе с братом пришедшем в редакцию «Новой» после публикации «Книжечки», есть эпизод о жизни на поселении вместе с их мамой, дружившей с Раницкой. «Мы с братом ловили тушканчиков, сусликов, хомяков. Никогда не забуду: попадутся в капкан, и так «пшишиши», бросаются — испугать нас хотят». Вот и нас страшат изо всех сил и загонов, но, согласитесь, как-то стыдно пугаться мелких хищников. Посмотрите на неунывающего чертика!»

Страницы книги «Метео-Чертик. Труды и дни. 1941»

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Талант незаконной радости](#)

Субъективные соображения по ходу дела

00:15, 26 декабря 2019, Зоя Ерошок undefined